

*Посвящается памяти
Романа Ивановича Осташа –
ономаста, который всегда улыбался*

ПРАСЛАВЯНСКИЕ АРХАИЗМЫ В СЛОВАРЕ УКРАИНСКИХ
ГОВОРОВ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ
(этимологические заметки)

А. И. Илиади

Диалектной лексике нижнеподнепровского ареала во многом не повезло в отношении ее этимологического толкования, и чтобы убедиться в этом, достаточно беглого знакомства с содержанием дефиниций недавно завершеного фундаментального «Этимологического словаря украинского языка» (в шести томах). Здесь соответствующий материал часто либо получает квалификацию «темное слово», «этимология не ясна», либо вовсе отсутствует. Между тем, говоры Нижнего Поднепровья во многом сохраняют лексическую архаику, утраченную в иных диалектных ареалах Украины (карпатский, полесский), которые, будучи восточнославянской диалектной периферией, традиционно должны удерживать многие древности словаря. Интересующие нас говоры являются во многом переселенческими, потому некоторые слова, оказавшись «пересаженными» в новые условия (диалектное окружение), получили тут новую жизнь, тогда как в первоначальном ареале они по разным причинам были вытеснены.

Обращение к богатству нижнеподнепровского диалектного вокабулярия помогает заполнить некоторые пробелы в реконструкции, этимологической и ареальной характеристике праславянской лексики. Имеются в виду несколько возможностей, которые появляются при использовании диалектизмов указанных говором: 1) выявление реликтовых лексем, имеющих сепаратные связи с арийским словарем; 2) реконструкция некоторых праславянских лексических инноваций и установление их внутрисла-

вянских связей (на индоевропейском фоне); 3) уточнение географии рефлексов некоторых уже известных праславянских лексем. Реконструктивный потенциал рассмотренной ниже лексики обусловил ее подачу таким образом, чтобы каждый из предложенных этимологических этюдов был иллюстрацией решения какой-то из трех поставленных задач.

1. Праславянские диалектизмы, имеющие сепаратные связи с арийским словарем

1.1. Архаичной представляется пара *бѡвжити* ‘хвалить, хвалиться’ и *бѡвж* ‘домовой’ [2: 241]. Судя по фонетике обеих лексем, они продолжают псл. архетипы со структурой *tʏlt*, т. е. вероятны исходные формы **bʊlʒiti* и **bʊlʒь*. Правила звуковых корреспонденций, установленные сравнительной грамматикой и.-е. языков, позволяют в качестве весьма близкого генетического соответствия для псл. **bʊlʒiti* привести праиран. **br̥jaia-* ‘почитать’ (: хс. *bulj-* ‘оказывать почет, восхвалять; выказывать уважение’), и обе формы в итоге восходят к и.-е. **bh̥lgeje-* ~ **bhelg-* ‘блестеть, блестящий’. Понимая значение ‘домовой’ в слав. слове как развитие более старого ‘дух почитаемого предка’ (а это не противоречит общей типологии истории понятия *домовой* = *дух дома*), в качестве ближайшего структурно-этимологического аналога псл. **bʊlʒь* предложим иранскую форму, также образованную в лексическом гнезде с этимоном **bhelg-* ‘блестеть, блестящий’, ср. part. pass. авест. п. *bərəjya-* – имя божества, букв. ‘принимаемый с почитанием’ ~ *bərəg-* ‘религиозный ритуал, обряд’. Итак, мы имеем две славяно-иранские этимологические параллели из области религиозной терминологии, возраст которых сопоставим со временем культурных контактов обоих народов, в период которых вырабатывались общие элементы религиозно-правового текста: псл. **bʊlʒiti* : иран. **br̥jaia-* и псл. **bʊlʒь* : иран. **br̥jaia-*. Некоторое смысловое различие рассмот-

ренных слов (иран. ‘восхвалять’, ‘почитать’, ‘имя божества’ : слав. ‘хвалить(ся)’, ‘домовой’) объясняется письменным закреплением религиозной семантики иранских примеров в авестийских и хотано-сакских священных, поэтических текстах, что способствовало ее сохранению и регулярному воспроизведению, при профанации этой же семантики в славянских лексемах еще в дописьменную эпоху (подробнее см.: [7: 311–312]).

1.2. Интерес вызывают два архаизма из терминологии свадебного обряда, не так давно (запись 1983 г.) еще употребительных в лексиконе старшего поколения носителей соответствующего говора. Речь идет о *дрúнак*, *дрúнко* ‘приданое невесты’, ‘личные вещи жены, с которым она приходит в дом мужа’ [2: 244]. Эта лексико-семантическая группа неоднородна по своему этимологическому составу, т. к. включает как исконную лексику разного возраста, так и заимствования, хронология которых зависит от ареала и «очередности» контактов с иноязычным контингентом (напр., восточнороманская лексическая инфильтрация в украинские говоры Буковины имела место раньше, чем тюркские заимствования в степных говорах). Приведенные слова не относятся к заимствованиям, входя в реликтовый славянский словарь: их древнейший славянский облик восстанавливается как **drunakъ* (форма *дрúнко*, видимо, вторична) – производное с суфф. *-ak-* от основы **drun-* < и.-е. **drou-no-*, т. е. причастие (perf. pass.) на *-no-* от **drou-* ‘резать, отделять’ (гнездо **der-*). Понимаемое как ‘доля невесты’, ‘имущество, выделенное замужней дочери’, псл. **drunakъ* практически в точности повторяет структуру авест. г. *draonah-* ‘жертвенная часть, доля’, авест. п. *draonah-* ‘часть, доля (получаемая кем-л.)’ < **drau-nah-* ‘часть, доля’ < арийск. **drau-nas-* ‘имущество, полученное через разделение’, ср. др.-инд. *dráviṇas-* ‘движимое имущество; имущество, добро’ ([13 (2: 461)]: к и.-е. **d(e)r-eu-*). Ср. еще отдаленное семантически от славянских

слов ср.-перс. *drōn* [*dlwn*[□] | *darūn*] ‘освященный хлеб; церемония, на которой он используется’ [27: 27; 13 (2: 461)], т. е. *‘доля богов’, ‘выделенное богам’.

Итак, имеем славяно-арийскую изоглоссу псл. **drun-* : арийск. **drau-nas-* (или даже с более полным совпадением структуры – псл. *drunakъ : иран. **draunaka-*; о возможности иран. см.: [13 (2: 461)]), в итоге восходящую к индоевропейскому причастию *drou-nos ‘отделенное, выделенное’, ‘доля’ и далее – ‘имущество’.

1.3. Отмеченное в говоре нескольких населенных пунктов *конóшок*, -шка (ирон.) ‘человек маленького роста (чаще всего о ребенке)’ [22 (2: 198)], (ласк.) ‘маленький ребенок’, ‘что-нибудь маленькое’ ([5 (2: 553)]: «неясное»), *коношók*, -шка ‘то же’ [2: 245] обнаруживает отчетливые следы суффиксальной производности, о чем говорит конечный сегмент *-ок* с выпадающим при склонении гласным. Выделение позднего словообразовательного наращения *-ок* (< *-ек* после шипящего < *-ькъ*) закономерно ведет к установлению производящей основы **конох-*, насколько нам известно, до сих пор нигде не зафиксированной. Думаем, что *конох продолжает псл. диал. **kon'exъ*, т. е. реликтовый компаратив от и.-е. **ken-* (ступень с *o) ‘рождаться’, ‘происходить, начинаться’, чья исконная форма *kon-jesъ (< **kon-ieso-*) была изменена точно так же, как и облик иного субстантивированного компаратива – *matjexa < *mat-ies-ā ‘мачеха’. Подразумевается, что исход *-esъ* был переоформлен в *-exъ* (> *-охъ*) под влиянием синонимичной лексики с суффиксами *-ex-*, *-ох-* (ср. *maloxъ, *malexa > словин. *malox* ‘человек маленького роста’, рус. диал. *малёха* ‘малыш, малышка, малое дитя’ [23 (17: 168)]) подобно тому, как под влиянием образований с суффиксами на *-х* была переосмыслена структура *mat-ies-ā > *matjexa [20: 34; 23 (17: 268)]. В обоих случаях причиной переосмысления формы слов было забвение их исконной морфологии из-за утраты древнего

типа компаративов на *-ies-*, а в нашем случае еще и выход из употребления именной основы **kon-* (при сохранении глагольной **ken-* в составе **četi*, **čьnо*).

За пределами славянского реликтового словаря псл. **kon-jesъ* (< **kon-ieso-*) имеет цельнолексемное соответствие в виде др.-инд. сравн. степ. *kanūasa-* ‘младший’, вед. *kānīyas-* ‘меньше, младше’, ‘младший’. Структурно и семантически несколько дальше отстоят иранские рефлексы и гр. *καιός* ‘новый, неслыханный’ [28: 297–298; 13 (4: 220–223)]. Описанный случай имеет значение для сравнительной грамматики славянских и древнеиндийского языков, т. к. пополняет список особых, славяно-древнеиндийских, параллелей в образовании адъективов (в том числе и компаратива), на которые впервые обратил внимание А. А. Потебня, ср., напр., в [23 (8: 112)]: пол. *chuderlawy*, чеш. *chudrlavý* : др.-инд. *kṣudrá-* ‘маленький, мелкий’, ст.-сл. **хочѣднѣ** : др.-инд. *kṣodīya-*.

Следует сказать еще об альтернативной трактовке природы *конóшок*, *коношóк*, согласно которой это слово – сравнительно поздний продукт лексико-семантической системы нижнеподнепровских говоров, где наблюдаются случаи деонимизации сокращенных и деминутивных форм календарных (крестных) имен и перехода их в апеллативы. Переосмысленные антропонимы, таким образом, наделяются значениями, зависящими от суммы ассоциаций носителей говора, ср.: *альóша* ‘олух, глупец, дурак’ [22 (1: 50)] – деонимизованное *Альóша*, т. е. местный гипокористик для *Олексій* (см. его варианты в: [14: 75]); *ганій* ‘человек, пришедший из России, особенно из Курского края’ [22 (1: 219)] < *Ганій* – дериват на *-ій* (ср. *Яцїй* < *Яць*) от сокращенной формы имени *Ганóн* (к *Агафóн*, *Агапóн*); *солóха* (ирон. или презр.) ‘невнимательная, забывчивая, неаккуратная женщина’ [22 (4: 87)] < *Солóха* – форма к *Соломія* [14: 159]; *хаврóня* ‘простоватая женщина (девушка)’, *хівря* ‘то же’ [22 (4: 186, 195)] < *Хавроня*,

Хівря – народные варианты к *Февронія*; *хіма*, *хімка* (ирон.) ‘простоватая женщина (девушка)’ [22 (4: 194)] < *Хіма*, *Хімка* – формы крестного имени *Юхімія* [14: 169]¹; *хомá*, *хóмка* (ирон.) ‘глуповатый, простоватый мужчина (мальчик)’ [22 (4: 197)] < *Хомá* (= рус. *Фомá*). В случае с *конóшок* не исключена вторичность от диалектного варианта крестного имени *Конон*, и такой вариант усматривают в укр. антропониме *Коношъ*, XVII в. < церк. *Кóнонъ* [12: 109], ср. с иным формантом *Кóнаш* [14: 61], закарп. *Кінах*. Однако нельзя не заметить две, как нам кажется, важные детали: 1) семантика перечисленных выше отантропонимных апеллативов характеризует *интеллектуальные* качества человека либо же его происхождение (намек на распространенность у русских имени *Гапон*, откуда и обобщение переселенцев из России под названием *ганій*), тогда как значение *конóшок* не содержит оценочного компонента, описывая просто внешние, *физические* особенности человека (и не только его); 2) ударение в *конóшок*, *коношóк* не совпадает с ударением в *Кóнон* в отличии от *Кóнаш*, *Кінах*, которые сохраняют акцентологические черты полной формы имени. Обе эти детали снижают вероятность объяснения *конóшок*, *коношóк* в связи с гнездом гипокористиков от *Кóнон*, подталкивая, скорее, к выводу об их омонимии.

1.4. Завершает этот раздел этюд, посвященный существительному *корзо*, *-за* ‘способ’ (А яким *корзом* воно зроблено? Яким би *корзом* туди проїхати?) [24: 379]. На наш взгляд, *корзо* продолжает особое псл. **kъr-z-*, производное от славянского продолжения и.-е. **k^uor-*, **k^uer-* ‘делать, создавать’, к которому восходят славянские же названия чар и колдовства (**šaga*, **šarъ*, **šarь*), а также

---

¹ Переход личных собственных имен *Соло́ха* и *Хіма* в нарицательные с аналогичной украинским словам семантикой наблюдается и в русских диалектах, ср.: пск., смол., калуж. *солóха* ‘о неопрятной женщине, неряхе’, пск., твер., калуж. ‘о нерасторопной, глупой женщине’ [15 (39: 305); 21 (3: 714)], тамб. *хіма* ‘простак, глуповатый’ [3: 1183].

их дериваты (*čarati, *čariti и др.). Семантически близкие аналоги укр. *корзо* в рамках указанного этимологического гнезда представлены иранской лексикой, ср. авест. п. *čārā*- ‘средство, вспомогательное средство’, ср.-перс. *čār* ‘средство’, совр. перс. (редко) *čār* ‘средство, способ избавления (от чего-либо)’, (произв.) ср.-перс. ран. *čārak*, поздн. *čārag* ‘средство’, ‘способ’ < иран. *čāra-, *čāra-ka- [13 (4: 258); 27: 21]. Однако словообразовательная структура иранских примеров прозрачна, чего не скажешь о морфологии славянского: собственно, признать в *kъr-z- консонантное расширение в праславянском исконного рефлекса и.-е. **k^ur̥*- (> *kъr-) мешает отсутствие в славянском реликтовом словаре продолжений корневого этимона **k^uor*-, **k^uer*- ‘делать, создавать’ в ступени редукции вокализма. Правда, это препятствие оказывается мнимым, т. к. на потенциальность глагольного *kъr- косвенно указывает лит. *kūrti* ‘творить, устанавливать’, др.-прус. *kūra prt.* ‘учинил, сделал’ – рефлекс и.-е. **k^ur̥*- ([30: 327–328]: к **k^uer*- ‘делать, творить’). В связи с этим допустимо говорить о deverбализации *kъr-zъ, возраст которого значителен с учетом раннего выхода из употребления в позднем праславянском суффикса *-z-* (< и.-е. **-gh-*) и сращивания его с корнем. Псл. *kъr-zъ как название образа действия словообразовательно близко иранским производным с суфф. **-z-*, модель с которым бытовала именно в языках древнеиранской эпохи. Не является ли в таком случае псл. *kъr-zъ слепком с некоего иран. **k^ur̥-za*-, *kar-za-? Подробнее об этимологии *корзо* см.: ([7: 313–315]: с критикой альтернативных версий, высказанных в [5 (3: 18); 9: 196–197]).

2. Праславянские диалектные дериваты с формантами *-ътъ* и *-танъ* (украинско-русская и украинско-болгарская изолексы)

2.1. Демонстрирующее признаки словообразовательной архаики диал. *кні́потъ*, -я (ругат.) ‘грубый простой человек’, ‘неуклюжий, неповоротливый человек’, ‘некрасивый человек’ (ср. «*Чортів кніпотъ, тудиж таки до панів тешетця!*») [24: 360; 22 (2: 179); 5 (2: 473): «неясное»] имеет более сложную структуру, чем *книп* ‘то же’ [5 (2: 473)], изоглосса которого продолжается в русском диалектном ареале, ср. сарат. *книп* [?] ‘некрасивый и слабый человек’, 1910 г. [15 (13: 344)]. Обе лексемы (**kniръ*, **kniрътъ*) произведены от утраченного глагола **kniрiti*, **kniрiti*, средством деривации в **kniрътъ* послужил суффт. **-ътъ* (> *-омъ*), как в случае с рус. диал. *ломѠт*, -а ‘большой кусок, ломоть хлеба’ и ‘о толстом неуклюжем человеке’ – парадигматический вариант к **lom-ътъ* < **lomiti* [23 (16: 29)].

Производящий глагол восстанавливается с учетом его возможных этимологических соответствий в балтийских языках, ср.: лит. *knuráuti*, *-úoti* ‘ковыряться, возиться, копать’, ‘забавляться, баловаться’, *kneĩbti* ‘ковырять’, ‘клонить, опускать’, intens. *knaibýti* ‘ковырять’, ‘зажимать’, ‘делать что-нибудь незначительное’, ‘есть медленно, неохотно’, refl. *kneĩbtis*, *kneĩptis* ‘никнуть, клониться’, *knibùs* ‘кропотливый’, а также формы с варьированием глухого и звонкого губного в корне, ср. лтш. *knĩpēt*, *kniēbt* ‘щипать’, ‘прищемить’, ‘прижимать’, ‘зажимать’, *knaibīt*, *knaipīt* ‘пощипывать’, ‘постоянно сжимать’ ([25 (1: 277–278); 30: 302]: в гнезде лит. *knēbti* ‘свисать’, ‘спотыкаться’, квалифицируемого как «без удовлетворительной этимологии»). Все определены как ономотопы и сопоставлены с лит. *gnýbti* ‘прищеплять’, ‘зажимать’ и *žnybti* ‘то же’, ‘схватить клювом’ [25 (1: 278)], от которых приведенная лексика отличается лишь глухим консонантом в анлаутном кластере. В общем, перебой *kn-* : *gn-* : *žn-* (последняя комби-

нация явно вторична к *gn-*) – черта, часто характеризующая именно афффективную, оноματοпоэтическую лексику с ее нестабильной, варьирующейся фонетической структурой. Именно эта особенность формы единиц рассматриваемой лексической семьи, на наш взгляд, препятствует возведению её к единому и.-е. **gneib-/gneip-* ‘зажимать’ (продолжением конкретно этого этимона является, напр., прагерм. **knīp-* ‘зажимать, щемить’, ср. др.-англ. *snīf* ‘нож’, нн. *knippen* ‘резать’ [10: 17]), которое само является лишь одной из разновидностей древней звукоподражательной основы с уже упомянутым перебоем начальных гуттуральных **g-* : **k-* и конечных лабиальных **b* : **p*.

Отношения между отождествляемыми славянскими и балтийскими формами, образованными от **kneip-/knoip-/knīp-* : **kneib-/knoib-/knib-* ‘сжимать’, ‘клониться, никнуть’, ‘ковыряться, возиться’, могут быть представлены следующим образом: псл. **knipti*, **knipiti* : лит. *knuráuti*, лтш. *knīpēt*, *knaipīt*; псл. **knipъ* : лит. *knibùs*.

Если за возможную основу семантики реконструируемого глагола принять значения ‘сжимать’, ‘сжиматься’, которые встречаются у балтийских аналогов, то смысл славянских именных производных отчасти может быть истолкован как ‘лишенный естественности’, ‘с неестественными телодвижениями’, ‘жеманный’ → ‘неуклюжий’, ‘некрасивый’, ср. подобное развитие значений в рус. диал. адъективе *ужимистый* ‘лишенный простоты и естественности’, ‘жеманный’ [15 (46: 336)], производном от *ужиматься*.

2.2. Соматические термины *горчман*, *корчман*, *карчман* ‘шея’, ‘горло’, (мн. ч.) *карчмані* ‘плечи’ [2: 243, 245, 246] с вариантным анлаутом *г-/к-*, по нашему мнению, продолжают единый праславянский архетип **kьrk-manъ* – дериват от основы **kьrkъ*, ср. такие его рефлексy, как ст.-укр. *коркъ* ‘шея’, серб., хорв. диал. *кѣк* ‘шея; горло, гортань’ [23 (13: 218)], и такую производную

форму (*kъrk-ošb), как укр. диал. *коркóші, горгóші* (мн. ч.) в составе устойчивых выражений *на коркоші кого взяти* ‘носить кого-нибудь на спине, на плечах’, *нести дитину на горгошах* ‘нести ребенка на плечах, за спиной’ [5 (3: 26)]. К словообразованию ср. псл. *lahmanъ < *lahъ, *loxmanъ < *loxъ [23 (14: 17; 15: 250)].

Сделаем несколько уточнений к фонетической стороне предложенной этимологии: 1) форма с начальным смычным *г-* (*горкмáн*) возникла в результате озвончения *к-* (частое явление в украинской диалектной речи разных ареалов); 2) корневое *а < о* в *карчмáн* – следствие влияния суффиксального вокализма; 3) появление звука *ч* на месте исконного *к* в *корчмáн, карчмáн* обязано их народноэтимологическому сближению с рефлексами *kъrċiti ‘корчить, крутить’ или, напротив, актуализации их генетической связи, ср. убедительное предположение о родстве *kъrċiti и *kъrkъ как названия шеи, образованного от названия действия ‘вертеть’, ‘крутить’ [23 (13: 219)]. Таким образом, наиболее полно прототип *kъrkmanъ отражен в укр. диал. *горкмáн*.

Предложенное объяснение генезиса восточнославянских лексем одинаково (вплоть до деталей) применимо и к еще не имеющим убедительной этимологии болгарским диалектизмам, ср.: *гърчмак, гърчман* ‘гортань, горло’ ([1 (1: 304)]: без этимологии), диал. родоп. *гърчмун’* ‘гортань’ [18: 166]. Здесь также просматриваются: 1) следы перехода **k-* > *г-*, отмечаемого в болгарских говорах с ареалом в Южных Родопах и южномакедонских говорах [8: 113; сноска 44, тут же], ср. аналогично в словц. *krk* ‘шея’ и диал. *grk, grg* [23 (13: 218)]; 2) изменение облика корня **kъrk-* > **гърч-* под давлением формально-семантических ассоциаций с местными рефлексами псл. *kъrċiti или, скорее, вариантного *гърċiti (: болг. *грѣчьж* ‘корчить’, ‘коверкать’ [23 (7: 201)]) после озвончения **k-* > *г-*.

Рассмотренная эксклюзивная болгаро-украинская изолекса пополняет список праславянских диалектизмов соматонимом *kъrkmanъ, видимо, являвшимся аугментативной формой к

*kъrkъ, о чем говорит специфика модели с суффиксом *-man-*, ср. его употребление как экспрессивного формата: *lahmanъ (: укр. *лэхман* ‘лоскутья, рубище’) < *lahъ (: укр. *лэх* ‘отрепье’) [23 (14: 17, 18)], укр. диал. буков. *гудзоман* ‘большой сук’ [16: 87] ~ укр. диал. *гудз* ‘шишка; узел, утолщение’ и др. (приводится по: [5 (1: 612)]) и др. Варианты болг. *гърчмак*, *гърчмун* свидетельствуют о забвении модели с формантом *-ман* в позднюю эпоху, из-за чего структура содержащих его слов, где он уже не осознавался, была переосмыслена: был выделен суффикс *-ан-*, и от новой основы **гърчм-* были образованы вторичные производные на *-ун* и *-ак*.

Другое, менее вероятное, толкование болгарских слов как рефлексов **g^hrk-mōn*, образованного в гнезде и.-е. **g^her-* ‘пожирать, поглощать’ с *k*-расширением (средство перевода корневого этимона в парадигму консонантного склонения – в разряд основ на смычный), см. [6: 98–100].

3. Праславянские архетипы, география которых расширяется с учетом данных нижнеподнепровских говоров

3.1. В тематически достаточно пестром лексиконе говоров Нижнего Поднепровья привлекают внимание однокоренные обозначения чародея, колдуньи *калдѡвница* ‘волшебница’, *калдѡвщица* ‘то же’, *калдѡвщик* ‘волшебник, колдун’, *калдун* ‘волшебник, колдун’ [22 (2: 141)] и позднейшие варианты с озвонченным анлаутом *галдѡвница*, *галдѡвка*, *галдѡвник*, *галдун* [22 (1: 217, 218)]. Сразу оговоримся, что они не являются русскими заимствованиями в отличии, напр., от бытующего в полтавских говорах укр. *колдѡвина* ‘женщина знахарка’ (ср. такой вывод в: [5 (2: 508)]). Об этом говорит как фонетика указанных форм, которые демонстрируют отличную от русских аналогов (см.

ниже) рефлексацию $\bar{\sigma}^2$ в группе $t\bar{\sigma}lt$ и противопоставление этимологического и вторичного анлаута $*k-$: $\sigma-$, так и то, что все они представляют собой не изолированные образования, как это бывает с заимствованиями, а целый фрагмент словообразовательного гнезда, ср. еще глагол *калдувати* ‘колдовать’, [22 (2: 141)]. Все сказанное сводит к нулю любые попытки рассмотреть эти лексемы как инфильтрацию в украинскую диалектную речь отдельных русских слов. Однако можно обратить внимание на случаи параллельного, независимого развития словообразовательной структуры общей для русского и украинского языков базы $*k\bar{\sigma}ldov-$, ср.: укр. *калдівниця* : рус. том. *колдівниця* (фольк.) ‘колдунья, чародейка’ [15 (14: 117)]; укр. *галдівка* : рус. перм., пск., новг., дон., кубан. и др. *колдівка* ‘колдунья, ворожея’ [15 (14: 116–117); 19: 145]; укр. *калдовщиця* : рус. пск., том. *колдовщица* ‘колдунья, ворожея’ [15 (14: 117)]; укр. *калдун*, *галдун* : рус. *колдун*.

Приведенная нижнеподнепровская лексика, таким образом, намечает один из двух крайних полюсов украинского диалектного ареала, на которых сохранились реликты праславянского гнезда с основой $*k\bar{\sigma}ld-$ (: $*k\bar{\sigma}ldun\bar{\sigma}$, $*k\bar{\sigma}ldovati$, $*k\bar{\sigma}ldov\bar{\sigma}sk\bar{\sigma}j\bar{\sigma}$). Еще один полюс представлен буковинскими говорами, где зарегистрирован глагол *калдувати* ‘колдовать, заниматься колдовством’, ‘чаровать’ [23 (13: 185; 16: 183)], а также причастие от него *калдіваний* ‘зачарованный, напоенный чарами’ [16: 183]. Примечательно, что рассмотренные обозначения колдуна, колдуньи, колдовства в обоих ареалах вытеснены на периферию лексико-семантической системы, уступив место более употребительным *чаклун* ‘колдун, волшебник, чародей’, *чаклувати* ‘колдовать’, *ворожбит* ‘колдун, гадатель’, *ворожка* ‘колдунья, ворожея, ведьма’, *ворожити*, *відьма* ‘ведьма, колдунья’ (в говорах Нижнего

---

² Развитие $*\bar{\sigma} > a$ как часть широкого спектра рефлексов псл. $\bar{\sigma}$ в словах (в том числе восточнославянских) подобной структуры описано в исследовании Р. М. Козловой [9].

Поднепровья) и *ворóжка* ‘ворожея’, *мольфáр* ‘колдун’, *мольфáрка* ‘колдунья’, *мольфáрити* ‘колдовать’, *фабу́лница* ‘женщина, которая лечит разными немедицинскими средствами, а также занимается колдовством’, *фабу́лити* ‘воздействовать, влиять на кого-то, что-то чарами, колдовать’ (в говорах Буковины, ср.: [16: 63, 295, 574, 575], а также прикарпатское *мальфáвница* ‘ведьма’ [5(3: 506)]). Видимо, они (дериваты **kǫld-*) – остаток наиболее архаичной группы в лексике духовной культуры названных говоров, и это тем более очевидно с учетом того, что, напр., буковинские «колдовские» термины, за исключением *ворóжка*, образованы от восточнороманских заимствований³.

---

³ Оба иноязычных термина представляют собой интересный объект для этимологии хотя бы потому, что вопреки очевидным признакам романской инфильтрации (ср. их поддержку в исконном романском вокабулярии) в карпатоукраинские говоры, для них не удается установить язык-источник. 1. Буковинский этнографизм *фабу́лница*, подаваемый с пометой «устар.», имеет следы славянского словообразовательного освоения в виде последовательности суффиксов *-н-иц-*, т. е. в начале цепочки стоит *фабула*, также известное этому ареалу, ср. мн. *фа́були*, *-iv*, еще *фа́бул* устар. ‘магические средства, при помощи которых якобы можно повлиять на человека и природу (зелье, напиток из него и т. д.)’, ‘магические действия и ворожба; колдовство’ [16: 574], которое стало производящим также и для *фабу́лити* ‘воздействовать на кого-то, что-то чарами, колдовать’. Исходное *фабула* действительно имеет опору в лат. *fābŭlā* ‘речь’, ‘предание’, ‘легенда’, ‘молва’, ‘толки, пересуды, сплетни’, *fābŭlo*, *-āre* ‘говорить’, ‘беседовать’, однако значения ‘магические средства воздействия’, ‘ворожба, колдовство’, зафиксированные у карпатского романизма, отсутствуют у известных продолжений латинского слова в романских языках (см. материал в: [26: 412; 11: 69–79]). Но важнее всего то, что следов этой семантики нет в румынском и молдавском, откуда черпали заимствования диалекты карпатских славян. Обоснованным представляется вывод Е. Г. Микиной о развитии у этих слов значения действия, как в болг. *бая* ‘шептать заклинания’ наряду с укр. *баяти* ‘ворожить’ и под. генетических аналогов *fābŭlā* [11: 76–77], однако остается открытым вопрос: является ли семантика действия ‘колдовство’, ‘ворожба’ ← ‘речь’, ‘сплетня’ инновационным развитием слова на славянской почве или же мы имеем дело с оригинальным спектром значений у лексемы,

3.2. И последняя пара нижнеподнепровских лексем, на которой хотелось бы акцентировать в узких рамках статьи, ограничивается укр. *р́яха* ‘опрятная, аккуратная женщина’, ‘чистюля’, ‘щеголиха’ и производным глаголом *р́яхаться* ‘готовиться, собираться в дорогу’ [22 (4: 52)]. Она интересна тем, что расширяет географию рефлексов псл. **ręxa* (дериват от **rędъ* с суфф. формантом *-ха*) внутри восточнославянского ареала, где обычно отмечаются только русские диалектные продолжения, ср. *р́яха* ‘чисто-плотный, опрятный человек; щеголь или щеголиха’ (волог., арх., ср.-урал., свердл.), ‘неряха’ (свердл., перм.), ‘неуклюжая женщина’, а также адъективы *р́яхая* ‘нарядная женщина, девушка; щеголиха’ (тамб.), *р́яхий* ‘нарядный (о женщине или девушке); щегольской’ (тамб.) ([15 (35: 358, 359); 17: 325]: *р́яха* как беспреф. пара к *нер́яха*). Как и в предшествующем случае, заимствование из русского мало вероятно ввиду значительной удаленности территории локализа-

---

пришедшей из неустановленного восточнороманского диалекта? Эта же семантика отличает диалектную лексику от укр. *фа́була* ‘данное в последовательной связи содержание событий, изображаемых в художественном произведении’, устар. ‘басня, небылица’, которое является книжным заимствованием из латыни [5 (6: 61)]. 2. Второе буковинское название колдуна считается неясным и связывается с итал. *malfare* ‘творить зло’, ‘злодеяние, преступление’ [5 (3: 506)], что, в общем, верно. Проблема в том, что эта лексема отсутствует в восточнороманском словаре-«доноре» для украинского, хотя прочие романские языки сохраняют родственные формы (ст.-франц. и в диалектах Северной Италии), происходящие от лат. *māleficium* ‘злость, злоба’, ‘недоброжелательство’, *māleficus* ‘дурно поступающий’, ‘злодей’ [26: 620], ‘чародей, колдун’ [4: 613]. Потенциально возможны два варианта объяснения структуры *мольфа́р*: 1) слово отражает бесписьменную восточнороманскую форму с синкопой – рефлекс лат. *malefactor* ‘поступающий дурно, причиняющий зло’ [4: 613] с семантическим смещением ‘причиняющий вред’ → ‘колдун’, как в *māleficus*; 2) оно является славянской словообразовательной инновацией с суфф. деятеля *-ar-* от заимствованного **мольфа*, также восходящего к лат. форме типа *malefacio* ‘злые чары’ [4: 613].

ции русских рефлексов псл. **ręxa* от ареала его украинских продолжений. Кроме того, русский и украинский словари сохраняют и производный глагол **ręxati(se)* (: рус. волог. *рѣхать* ‘приводить в порядок, чистить, мыть что-л.’, *рѣхаться* арх., прибайкал., зап.-брян. ‘медлить, мешкать, неспеша делать что-л.’, север., олон. ‘приводить в порядок, делать уборку’ [15 (35: 358, 359)], олон. ‘наряжаться’ [21 (3: 539)], укр. *рѣхаться* ‘готовиться, собираться в дорогу’ [22 (4: 52)]), древность которого косвенно подтверждает н.-луж. глагол *rěšyś* ‘чистить, убирать’, (в старых документах) *reschu* (*rěšu*) ‘чищу’ [29 (16: 1214)]. Соответственно, древняя восточнославянско-нижнелужицкая изоглосса, восходящая к псл. диал. **ręxa*, **ręxati(se)*, **ręšiti*, оказывается более полной, ср.: рус., укр. *рѣха* : н.-луж. *rěch* ‘чистота’, ‘опрятный вид чего-либо’, ‘порядок’, ‘опрятность’ ([29 (16: 1214)]; см. еще: [29 (14: 1013–1014); 23 (24: 232)]: **peręchal**/**peręchъ*; [17: 325]); рус., укр. *рѣхать*, *рѣхаться* : н.-луж. *rěšyś*.

*****

Как видим, даже небольшая выборка из лексикона нижеподнепровских говоров оказывается достаточно показательной в плане решения задач праславянской этимологии и реконструкции. Ср. ко всем трем намеченным ранее пунктам: 1) псл. **kon'ex-* : ар. **kanjasa-*; псл. **kǫrzъ* : иран. **čāra-*, **čāra-ka-* (или **krza-*, **karza-*?); псл. **bǫlžiti* : иран. **bǫjaia-*; псл. **bǫlžь* : иран. **bǫjja-*; псл. **drunakъ* : ар. **drau-nas-* (и далее – к иран. **draunah-* (**draunaka-*?)); 2) **knipъ*, **knipъtь* (: укр. *кні́поть* и рус. *книп*); **kǫrkmanъ* (: укр. *горкмáн*, *корчма́н*, *карчма́н* и болг. *гърчмак*, *гърчман*, *гърчмун*); 3) расширение ареала рефлексов псл. **kǫldunъ*, **kǫldovati*, **kǫldovъsk-* и **ręxa*, **ręxati(se)*, **ręšiti*. Значит, инвентаризация исконного словаря этих диалектов – один из ключей к уточнению наших представлений о праславянской диалектной карте.

БИБЛІОГРАФІЯ

1. Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. – София : БАН, 1971–2002. – Т. 1–6.
2. *Громко Т. В.* Матеріали до словника говірок української мови / Т. В. Громко // Наукові записки. – Вип. 160. – Серія: Філологічні науки (мовознавство): *Studia semasiologica*. – Кіровоград : РВВ ЦДПУ ім. В. Винниченка, 2017. – С. 239–254.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – С.-Петербург ; М. : Изд. т-ва М. О. Вольф, 1909. – Т. IV. – 1619 + XII с.
4. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
5. Етимологічний словник української мови: У 7 т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. – К. : Наук. думка, 1982–2012. – Т. 1–6.
6. *Илиади А. И.* Славянские этимологии. 33–37 / А. И. Илиади // *Studia linguistica et juridica*. – Кіровоград : КіпЮІ ХНУВС, 2010. – С. 98–104.
7. *Илиади А. И.* К сравнительно-исторической лексикологии славянских и иранских языков / А. И. Илиади // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XX (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. / [отв. редактор Н. Н. Казанский]. – С.-Петербург : Наука, 2017. – С. 310–323.
8. *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала) / Г. П. Клепикова. – М. : Наука, 1974. – 255 с.
9. *Козлова Р. М.* Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде) / Р. М. Козлова. – Гомель : БелГУТ, 1997. – 412 с.
10. *Левицкий В. В.* Этимологический словарь германских языков / В. В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2000. – Т. 2. – 260 с.

11. *Мікіна О. Г.* Историко-семасіологічне дослідження латинських і романських дієслів мовлення на індоєвропейському фоні / О. Г. Мікіна. – Донецьк : Юго-Восток, 2012. – 449 с.

12. *Осташ Р. І.* Власні особові імена з однофонеминими суфіксами в українській антропонімії середини XVII століття / Р. І. Осташ // *Linguistica slavica: Ювілейний збірник на пошану Ірини Михайлівни Железняк.* – К. : Кий, 2002. – С. 104–115.

13. *Расторгуева В. С.* Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Вост. литература, 2000–2015. – Т. 1–5.

14. *Скрипник Л. Г.* Власні імена людей. Словник-довідник / Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. – К. : Наук. думка, 1986. – 308 с.

15. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л. ; С.-Петербург : Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49.

16. Словник буковинських говірок / [за заг. ред. Н. В. Гуйванюк]. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.

17. *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды: (Окончание) / А. И. Соболевский // *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук.* 1922 г. – Л., 1924. – Т. XXVII. – С. 252–332.

18. *Стойчев Т.* Родопски речник / Т. Стойчев // *Българска диалектология: Проучвания и материали.* – София : БАН, 1970. – Кн. V. – С. 152–221.

19. *Ткаченко П. И.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря. – 2-е изд., уточ. и доп. / П. И. Ткаченко. – Краснодар : Традиция, 2008. – 288 с.

20. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 211 с.

21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Тру-

бачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.

22. Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : [б. в.], 1992. – Т. I–IV.

23. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / [под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2016. – Вып. 1–40.

24. Яворницький Д. І. Словник української мови / Д. І. Яворницький. – Катеринослав : Слово, 1920. – Т. I. – 411 с.

25. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch / E. Fraenkel. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag ; Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – Bd I–II.

26. Körting G. Lateinisch-romanisches Wörterbuch (Etymologisches Wörterbuch der romanischen Hauptsprachen) / G. Körting. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 1907. – 1374 S.

27. MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary / D. N. MacKenzie. – London etc. : Oxford University Press, 1986. – 236 p.

28. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen / M. Mayrhofer. – Heidelberg : Carl Winter, 1992. – Bd I. – 812 S.

29. Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache / H. Schuster-Šewc. – Bautzen : Domowina-Verlag, 1984–1985. – №14–16.

30. Smoczyński W. Lietuvių kalbos etimologinis žodynas / W. Smoczyński. – Vilnius : Printer Polyglott, 2007. – 797 s.

*Праслов'янські архаїзми у словнику українських говірок Нижньої
Наддніпряниці (етимологічні розвідки)*

1. Реліктова діалектна лексика говірок нижньонаддніпрянського ареалу досі ще не достатньо висвітлена в етимологічному аспекті. Про це промовисто свідчить зміст дефініцій фундаментального «Етимологічного словника української мови», де відповідний матеріал часто або дістає кваліфікації «темне слово», «етимологія незрозуміла», або загалом відсутній. Між іншим, говірки Нижньої Наддніпряниці багато в

чому зберігають лексичну архаїку, втрачену в інших діалектних ареалах України (карпатський, поліський), які, будучи східно-слов'янською діалектною периферією, традиційно мають зберігати численні старожитності словника. Зазначені говірки багато в чому переселенські, тому деякі слова, будучи «пересадженими» в нові умови (діалектне оточення), одержали тут нове життя, тоді як у первісному ареалі вони з різних причин були втрачені.

2. Звернення до багатств нижньонадніпрянського діалектного вокабуляру допомагає заповнити деякі пробіли в реконструкції, етимологічній і ареальній характеристиці праслов'янської лексики. Йдеться про кілька можливостей, що з'являються при використанні зазначених діалектизмів: 1) виявлення реліктових лексем, які мають сепаратні зв'язки з арійським словником (*коношок* < псл. **konox-* : ар. **kanāsa-*, *корзо* < псл. *kъrъzъ : іран. **karza-*, *бовж*, *бовжик* < псл. *bъlъzъ : іран. **bŕja-*, *друнак*, *друнко* < псл. *drunakъ : іран. **drauna-*); 2) реконструкція деяких праслов'янських лексичних інновацій та встановлення їхніх внутрішньослов'янських зв'язків (*книпоть* < *knipъtъ, *горкман*, *корчман* < *kъrkmanъ); 3) уточнення географії деяких уже відомих праслов'янських лексем (*ряха*, *ряхаться* < *rexa, **rehati(se)*, *калдовник*, *галдовник* < **kъldov-*).

3. Інвентаризація питомого словника зазначених говірок – один із ключів до уточнення наших уявлень про праслов'янську діалектну карту.

Ключові слова: етимологія, реконструкція, праслов'янський, діалект, ареал.

*Proto-Slavic lexical archaisms in the vocabulary of the Lower Dnieper
Ukraine dialect (etymological notes)*

1. Relic lexemes of the Lower Dnieper dialectal areal still have been not etymologized properly and the content of «Etymological Dictionary of Ukrainian Language» clearly indicates it. The proves of above mentioned dialectal words are often explained here as «unclear word», «etymology is not clear», «unknown origin», «uncertain origin» many words are just absent in the vocabulary entries. But the Lower Dnieper dialects still keep many ancient lexemes, which are not attested in other Ukrainian

areals (Carpathian region and Polesie) although these areals, being the dialectal periphery, should traditionally keep many archaic words. A reason of keeping of relic words in the Lower Dnieper dialectal lexicon is that mentioned dialects are transmigratory, therefore some words, having found itself in the new dialectal conditions, gained a «new life» here whereas in the original areal they were lost.

2. Usage of the Lower Dnieper dialectal lexicon enables us to fill some lacunas of reconstruction, etymological and areal interpretation of Proto-Slavic lexics. It means such opportunities which we gain, using mentioned words: 1) finding of the relic lexemes having separate relationships with Aryan lexicon (*коношок* < psl. **konox-* : ar. **kanīasa-*, *корзо* < psl. **kǫrzъ* : iran. **karza-*, *бовж*, *бовжик* < psl. **bǫlžb* : iran. **bǫjja-*, *друнак*, *друнко* < psl. **drunakъ* : iran. **drauna-*); 2) reconstruction of some of Proto-Slavic lexical innovations and their mutual relations' explication (*книпотъ* < **knipъtь*, *горчман*, *корчман* < **kǫrkmanъ*); 3) more accurate geographical attribution of the words which were analyzed earlier (*ряха*, *ряхаться* < **ręxa*, **ręxati(se)*, *калдовник*, *галдовник* < **kǫldov-* etc.).

3. The description of the inherited Lower Dnieper dialectal lexicon is one of the keys for reconstruction of a fragment of Proto-Slavic dialectal map.

Key words: etymology, reconstruction, Proto-Slavic, dialect, areal.